

Андрей
КИВИНОВ

ЗОНА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ИДЕАЛЬНЫЙ
ОХОТНИК

16+

Зона личной безопасности

Андрей Кивинов

**Зона личной безопасности.
Идеальный охотник**

«Автор»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6 К65

Кивинов А. В.

Зона личной безопасности. Идеальный охотник /
А. В. Кивинов — «Автор», 2015 — (Зона личной безопасности)

ISBN 978-5-17-089133-7

Отдел собственной безопасности, сокращенно ОСБ, – одно из самых закрытых подразделений МВД и одно из самых непопулярных в системе. Ведь его сотрудники охотятся за оборотнями в погонах. Эта охота непредсказуема и может быть смертельно опасной. А если между охотником и оборотнем возникают неформальные отношения, вообще выходит из-под контроля. Сотрудница ОСБ Ольга Горина получает информацию, что оперативник территориального отдела полиции Кирилл Копейкин причастен к убийствам крупных наркодилеров. Начав разработку, она ближе знакомится с Копейкиным и затевает неожиданную игру, не догадываясь, что сама уже является частью еще большей игры.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6 К65

ISBN 978-5-17-089133-7

© Кивинов А. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Кивинов

Зона личной безопасности.

Идеальный охотник

Все события и персонажи – вымысел, не преследующий цели кого-либо опорочить и оклеветать. Прошу прощения, если случайно с чем-то угадал.

Не содержит ГМО, искусственных ароматизаторов, красителей и консервантов.

Пролог

Допрос протекал скучно, как плохая пьеса. Без пристрастия, без обещаний сгноить и растоптать. Без света лампы в лицо. Без изюминки, одним словом. Точно беседа между больным и бюджетным терапевтом в поликлинике. Вопрос – ответ – запись в историю болезни. И не потому, что человек формально был пока свидетелем, а не подозреваемым. И не потому, что рядом с ним не присутствовал бдительный защитник.

– Кирилл Павлович, адвокат Алиева утверждает, что накануне вы вызвали его клиента к себе. Это так?

– Не спору. Вызывал.

– С какой целью?

– Я ж ему все объяснил. Нашлись вещи Алиева, по поводу которых тот писал жалобы в прокуратуру. Перстень, цепочка, что-то еще...

Я изъясил их у него при задержании, потом потерял, сейчас отыскал... Хотел вернуть, вот и позвонил адвокату. Мне нужно было заявление, что все возвращено и претензий Алиев не имеет. Они обещали заехать. Обманули. Не заехали.

– И где же эти вещи были все это время?

– В дежурной части... Представляете, за сейф упали. А он тяжеленный. Рабочие кабель тянули, отодвинули и нашли. Вместе с протоколом изъятия. Каюсь, бардак...

Свидетель улыбнулся, сверкнув фиксой белого металла.

Следователь – чуть полноватая дама лет тридцати пяти в синем майорском кителе – склонилась над клавиатурой и забарабанила, заноса ответ в протокол. Она была немного близорука, приходилось наклоняться. Но очки не носила, видимо, стесняясь. Вряд ли ей не хватало денег на оправу. Представители Следственного комитета зарабатывают неплохо. Возможно, она боролась с лишним весом методом раздельного питания, но к делу это не имеет никакого отношения. Бросающейся в глаза неприступностью она напоминала крепость Измаил. Сделай непристойный намек, и тут же полетят ядра.

С недавних пор в функции ее ведомства входило и расследование преступлений, совершенных сотрудниками полиции. Сидящий напротив молодой человек с денежной фамилией Копейкин служил в их доблестных рядах в должности оперуполномоченного уголовного розыска.

– Вы знали, где проживал Алиев? – дама задала следующий вопрос.

– Без понятия! У меня был только телефон его адвоката. Очень мне надо знать, где живут всякие уроды!

Тук-тук-тук по клавишам.

– Вы не находите странным, что, поехав к вам в отдел, Алиев пропал без вести, а вечером того же дня его труп с огнестрельными ранениями обнаружили в подъезде бывшей жены?

- И в чем странность?
- В том, что Алиев жил практически на нелегальном положении и не выходил из своей квартиры.
- Да, действительно странно. Мог бы хоть на минутку выйти, воздухом подышать.
- Кирилл Павлович, не смешно. Давайте соревноваться в остроумии где-нибудь в другом месте.
- То есть вы намекаете, что я подкараулил его возле дверей, застрелил, перевез в машине труп в подъезд и пошел пить кофе?
- Не исключая... Алиби на весь день у вас нет.
- Осмелюсь напомнить, что отсутствие алиби не является доказательством вины. Хотя вы и сами наверняка это знаете.
- Знаю.
- Но могу вас успокоить. Я этого не делал.
- И никому не сообщали, что Алиев выйдет из квартиры?
- Всему миру. Я разместил эту информацию в социальных сетях... Ирина Михайловна, зачем? Я просто хотел вернуть Алиеву его поганные гайки и цепочку. Ну ладно, ладно – не поганные. Золотые. Ну посудите сами – если бы я хотел его убить, то не стал бы так подставляться. Я бы все сделал идеально. И не сидел бы сейчас перед вами.
- Хорошо, – опять-таки без эмоций ответила дама и снова склонилась над клавиатурой. Закончив, она распечатала протокол и протянула Копейкину:
- Прочитайте. Где расписываться, вы знаете.
- Тот пробежал глазами текст, поставил автограф и вернул протокол.
- Я могу идти?
- Да... Давайте пропуск.
- Подписав, она не сразу отдала билет на свободу.
- Кирилл... С моральной точки зрения я на твоей стороне. Но с юридической... Ты понимаешь, о чем я.
- Копейкин еще раз улыбнулся.
- Не понимаю... Я взрослый, серьезный человек. И не очень люблю героическое кино про мстителей. Всего доброго.
- Ты же знаешь... Идеальных преступлений не бывает... До скорой встречи.

Вызов к руководителю за пять минут до окончания рабочего дня радует примерно так же, как визит сантехника в три ночи с просьбой проверить температуру батарей. Но сантехник хоть относительно предсказуем. От руководства же можно ждать любых проявлений чувств, но только не положительных. Любопытная закономерность – радостную весть сообщают по телефону, а чтобы донести до ушей подчиненного какую-нибудь гадость, всегда вызывают на ковер.

Примерно так рассуждал майор Бородин, человек, чья служебная характеристика не содержала ни одного прилагательного «прекрасный». Совершенно, кстати, несправедливо. Человек, занимающий должность начальника криминальной полиции территориального отдела, по определению должен быть в чем-то, но прекрасен.

Рассуждал он о перспективах своих скорбных, поднимаясь по парадной лестнице Управления внутренних дел города Юрьевска, не могущего похвастать ни одним памятником мировой культуры, но зато имевшим средний уровень раскрываемости тяжких преступлений по стране. Человек, отвечающий за эту самую раскрываемость, вызвал его не через секретаря, а напрямую, по мобильнику, тем самым наметнув на конфиденциальность предстоящего разговора.

За лестницей следовал коридор с довольно стандартным набором аксессуаров – банкетками для граждан вдоль стен, Доской почета, галереей портретов всех руководителей Управления, стендом «Внимание, розыск!» с фотороботами-кариатурами и ужасного качества ксерокопиями бандитских портретов. И в конце, как завершающий штрих – панно с Александром Невским, над шлемом которого тянулся по дуге лозунг, не очень соответствующий изображенному историческому моменту: «Сила полиции – в доверии народа!» Просто когда-то здесь висел портрет Дзержинского, но рыцаря революции по причине либерализации заменили на политически нейтрального князя. На лозунге же художник решил сэкономить, исправив лишь старорежимное «мил» на актуальное «пол». А остатками сбереженной казенной краски выкрасил дачный забор.

Секретарша, как принято в уважаемых учреждениях, доложила шефу по телефону о прибытии вызванного человека и, положив трубку, кивнула на тяжелую двойную дверь, возле которой стоя кемарил двухметровый омовенец в полной боевой экипировке, словно музейный рыцарь в латах.

– Пожалуйста.

Шеф – пышнотелый лысеющий генерал, носивший зоологическую фамилию Моржов, сосредоточенно листал планшетник, рассматривая закачанные в него фотографии с осмотра места происшествия. Айпод в прекрасном разрешении и со всеми подробностями передавал особенности пулевых ранений на теле азербайджанского гражданина Алиева, павшего, как предполагало следствие и средства массовой информации, от руки наемника. Насколько тот профессионален, говорить пока не приходилось. Вот когда задержим, тогда и посмотрим в трудовой книжке и зарплатной ведомости. А не задержим, значит, не судьба.

– Разрешите, Антон Сергеевич?

– Проходи. – Моржов отложил планшетник и без предварительных ласк перешел к делу: – Мне Царев звонил. По твоему Копейкину.

Царев Борис Дмитриевич, он же Царь Борис, как его звали друзья, он же БиДе, как его называли враги, возглавлял отдел собственной безопасности полиции города Юрьевска. Если бы дело происходило в Средних веках, то на его гербе красовался бы припиленный к земле осиновым колом оборотень и девиз: «Хватит пить нашу кровь!» Имидж главного охотника на оборотней был таким, что при упоминании его имени вздрагивали даже честные и порядочные сотрудики.

Бородин тоже вздрогнул, но исключительно внутри. Внешне все осталось на должном уровне.

– И... Что?

– Ни хрена хорошего, – Моржов, несмотря на высокий статус, не пользовался дипломатическим или парламентским языком, – к убийству его не привязать, следственный отдел ничего не предъявил.

– Так, может, Копейкин и ни при чем? Он хоть палку иногда перегибает, но опер хороший, по три раскрытия в месяц стабильно.

– Может, и ни при чем, но нам-то как быть?! Ситуация патовая! Если докажем, что это он натворил, вой поднимется на всю армию и страну! А не докажем – тоже поднимется. Выгораживаем своих, мать вашу!

Антон Сергеевич, назначенный на высокую должность совсем недавно, вовсе не стремился попасть в книгу рекордов Юрьевска как руководитель, меньше всего времени занимавший свой пост. Даже несмотря на то, что назначение получил по протекции замминистра, с которым когда-то учился в военно-артиллерийском училище. Кстати, он до сих пор называл полицию армией. Предыдущий начальник юрьевской полиции слетел из-за ненадлежащего контроля за подчиненными. В новейшем отделе, открытом в рамках федеральной программы, оказалось слишком много свободных кабинетов – проектировщики не рассчитывали, что нач-

нется реформа и кучу служителей закона сократят. Оставшиеся, прошедшие переаттестацию, этим тут же воспользовались: сдали свободные кабинеты под офисы коммерческим структурам. Мало того – для маскировки снабдили коммерсантов формой. Чтоб арендаторы не выделялись из толпы, если нагрянут проверяющие. Те, конечно, были довольны: никакая «крыша» не придет, никакая проверка из налоговой. Но счастье закончилось на первом же корпоративе. Мало того что нажрались сами, так и напоили дежурный наряд. После чего дружно вышли во двор пострелять по бутылкам на раздевание с девочками из бухгалтерии. Кто-то записал соревнование на мобильник. Видео попало в Сеть, стали разбираться и вышли на «доходный дом». Скандал был таким, что стал основой сразу для трех федеральных ток-шоу, в том числе «Большой базар».

– Опять-таки убитый – иностранец. Нам тут только международного конфликта не хватало... И так уже из консульства телефон оборвали.

– И что вы предлагаете?

– Самое лучшее – по-быстрому в отставку. Нарушение – взыскание – шагом марш. Могу я, но лучше тебе.

Бородин криво ухмыльнулся. Хорош командир. Дерьмо всегда удобней убирать чужими руками. А сам – отец солдатам, слуга народу. Справедливый и добрый.

– Но... В отделе один молодняк, Копейкин самый опытный. Он поднял «тройник» на Бумажной, у него авторитет... С кем я останусь?

– Авторитетов воспитаем новых. Незаменимых нет. Короче, найди достойный повод или пусть пишет рапорт по собственному. Мне без разницы. Чтобы завтра же его тут не было.

– Но... Он платит алименты бывшей жене. А с работой сейчас трудно, – предпринял еще одну попытку спасти подчиненного Бородин.

– Да его за одно это можно турнуть! Морально не устойчивый, бросил ребенка.

– Он не бросил... Семьи распадаются. Это ж обычное явление. На гражданке и не такое бывает.

– Вот пускай на гражданке и помогает... Слушай, майор... А что ты его защищаешь? Может, вы там бизнес какой мутите?

– Никакого бизнеса у нас нет. А защищаю, потому что такими кадрами не разбрасываются. Тем более вина его не доказана.

– Вот, пока не доказали, пусть уходит. Все! В понедельник доложить.

Моржов вылез из-за стола, выключил настольную лампу, давая понять, что разговор окончен.

– Кстати, а почему ты не в форме?

– Оперативным службам необязательно, – мрачно напомнил Бородин.

– Интересно... Почему это всем обязательно, а вам нет? – Генерал скосил глаз на настольный календарь, – Двадцатого приеду лично, проведу строевой смотр. Не дай бог у кого форма будет не в порядке. Вопросы есть?

– Нет, – Начальник уголовного розыска прикинул, что каждый новый вопрос чреват осложнением обстановки.

– В таком случае, выполнять.

Бородин поднялся и, не простившись и не отдав честь, покинул высокий кабинет.

Омоновец-рыцарь по-прежнему спал.

В машине Бородин закурил, сделав очередной маленький шаг к раку легких и импотенции. Ну и пусть. Разум возмущенный кипел и в бой был вести готов. Пусть даже и не смертельный. Никотин, продукты горения и прочие вредные примеси – лучшее успокоительное, что бы там Госдума ни говорила. «Ну когда же, наконец, мы начнем назначать людей на руководящие должности по профессиональным качествам, а не по родственным или дружеским связям. Никому в голову не придет поставить главврачом человека, не умеющего перевязать

порезанный палец. Зато в полицию – пожалуйста! Сколько угодно! Вероятно, считается, что с этим справится любой! Потому что, видимо, мент – это не профессия!»

Бородин называл таких начальников мажорами. Пугал даже не столько непрофессионализм, сколько их непредсказуемость. В конце концов, если ничего в работе не смыслишь, поручи все замам, а сам играй на бильярде или штангу в зале таскай. Только не мешай. Так нет, блин! Хлебом не корми, дай покомандовать!

И естественная реакция на такое командование – все сделать наоборот. Или вообще ничего не делать!

Копейкина выгоняй! Даже увязни он в компромате по самые уши, назло оставил бы! Пускай сам увольняет, если такой грамотный... И работай с курсантами и военными отставниками.

...Хотя Копейкин, справедливости ради, парень непростой. Нет, барыг не «крышует» и взятки не берет, здесь сомнений нет. И пашет на совесть. В любом коллективе через месяц понятно, кто есть кто. Не спрячешься. А уж с опытом Бородина и подавно выяснишь. Но парень явно с какой-то аномалией. Словно под спокойной вроде бы оболочкой сидит черт, готовый выскочить в любую секунду и устроить праздник с тяжелыми телесными повреждениями.

Да и с тем убийством... Прямых улики нет, но... Кто знает, не переключило ли товарища капитана? От жизненной неустроенности и отсутствия перспектив? Вон, иногда запирается в кабинете и волком воет... Как оборотень. Но все равно, это не повод увольнять без суда и следствия. Хрен вам в обе руки, товарищ генерал армии!

Но идти на открытый конфликт с Моржовым тоже не хотелось. Здесь разговор будет не просто коротким, а очень коротким. «Кр-р-ру-гом, шагом арш!» И что в перспективе? Должность старшего смены охраны супермаркета. Или бизнес-центра. Значит, надо искать компромисс.

Вариант один – перевести Копейкина в другой район. Чтоб глаза не мозолил. А через месяц генерал про него забудет. Или самого генерала турнут. Такие боевые орлы долго не летают. Даже крыша министерская не помогает. Доказано безжалостной практикой. В конечном итоге будут смотреть не в дембельский альбом военного училища, а в показатели по тяжелым и не очень тяжелым преступлениям.

Да. Надо переждать. Копейкин не дурак – поймет.

Бородин затушил окурок, набрал номер на мобильном.

– Кирилл. Ты еще в отделе?.. Не уходи, я вернусь, потолкуем...

Глава первая

Шесть месяцев спустя

Ольга рухнула на татами, пузатый инструктор навалился сверху, хотя мог выставить руки. Словно изголодавшийся дембель, затащивший подругу на сеновал. Кабан, в полном соответствии с прозвищем. Проблема в том, что он ей не нравился вообще, даже более – вызывал отвращение. Поскольку в последнее время начал оказывать слишком недвусмысленные знаки внимания – проведет бросок и лежит, как на любовнице, дыша чесночным выхлопом. Нет предела извращенству. Придется, наверное, прекратить на время тренировки, ограничиться тренажерами. Жаль. Айкидо ей подходило. Опять же – отличный способ сбросить напряжение. Не с Тимуром же спарринговать. А постоянного партнера нет.

Ольга поднялась, отряхнула кимоно и, не прощаясь, отправилась в раздевалку. Минут десять стояла в душе, потом неспешно оделась. Сегодня можно не торопиться. Тима опять на деловой встрече, которая, вполне возможно, затянется до полуночи. Что-то многовато деловых встреч в последнее время. Ладно бы топливный барон или городской глава, а то обычный рекламщик. Хотите, чтобы весь мир или хотя бы Юрьевск узнал о вашей бане или парикмахерской? Пожалуйста!

Они познакомились полгода назад, после новогодних каникул. В египетском отеле. По трафарету. Ресторан, шведский стол. «У вас свободно?» – «Свободно». Она не сопротивлялась. Истосковалась по романтическим отношениям. Потом экскурсия в революционный Каир. Революция – это прекрасно, но туристический бизнес никто не отменял. Катание на верблюде, пешая прогулка по вечернему городу мимо разбитых витрин, патрулей и горящих машин под свист пуль. Что может быть романтичнее?

Тимур, правда, прилетел не один, а с двумя приятелями, но те, заметив ростки возможного светлого чувства, не мешали, благо система «все включено» предлагала прекрасную альтернативу крепкой мужской дружбе.

Надо отдать должное Тимуру – никакой самонадеянности, присущей многим молодым людям, заработавшим первую тысячу баксов на спекуляции и полагавшим, что теперь они хозяйева жизни. Или мажорам, до сорока сидящим на шеях успешных предков. Уверенность – да, но без пафоса. И никакого напора. Одна галантность. В противном случае до совместной прогулки по вечернему Каиру дело бы не дошло. Ольга поставила бы железный блок. Прогулку не смогли омрачить даже навязчивые революционеры, от которых им пришлось отбиваться, что добавило специй в зарождавшееся чувство.

На родине связь продолжилась. Тимур ухаживал красиво. Вместо банального ресторана первое свидание на борту вертолета. Нанял вертолет и показал ей зимний Юрьевск во всей красе – грязные сугробы, пар из люков и труб, словно в долине гейзеров, увязнувшие в снегу брошенные до весны машины, переполненные мусорные баки, стаи ворон. Не Лас-Вегас, одним словом. Потом было катание на снегоходах и поездка на лыжную базу. Притом что доходы кавалера вряд ли позволяли есть икру ложками. Только ложечками.

Ольга принимала ухаживания спокойно, без прыжков на шею и криков «Вау!». Все-таки ей не восемнадцать. И даже не двадцать пять. И дикой влюбленности с первого взгляда, заставляющей совершать безрассудные поступки, тоже не приключилось. Тимур ей пока просто нравился.

Через месяц он предложил жить вместе. Разумеется, пока без регистрации отношений. Люди взрослые, все понимают – испытательный срок. Ольга не возражала.

Тимур перебрался к ней. Свою квартиру он оставил бывшей жене и дочке, сам же прозябал на съемной. Но на следующий год пообещал взять ипотеку, если только проклятый кризис

не внесет коррективы в бюджет. Или совместный быт не прибьет отношения. Пока не прибывал, возможно, потому, что шли ходовые испытания. Правда, и катаний на вертолетах сожигатель больше не предлагал. Она же находилась в прежнем состоянии, предпочитая пресловутую синицу в руках. Журавля, то бишь испепеляющей любви, можно и не дожидаться.

...Улица встретила неприветливо – проезжавший джип устроил грязевую ванну. Увы, нигде нельзя расслабляться – каждый норовит облить грязью. Не Лас-Вегас.

Обычно после тренировок ей дико хотелось есть, и приходилось сдерживать себя, чтобы не ринуться к холодильнику. Она даже повесила на его дверцу магнитик, привезенный из Египта. Веселый скелетик в лапах и надпись: «Я уже не боюсь акул». Но сегодня аппетита не было. Из прихожей она по привычке прошла на кухню – тишина и покой, из живого – только цветок, прозванный мужегоном, который ей достался от бабушки. Цветок оплел всю кухню и уже норовил захватить другие территории. В приметы она не верила. А может, действительно мужегон?

Ольга все-таки открыла холодильник – решила приготовить что-нибудь Тимур. Продукты он покупал сам, да и готовить любил, под настроение, правда, в последнее время подходящее настроение посещало его нечасто, да и дома он проводил все меньше времени. Пропал на своей работе. Хорошо хоть ночевать приходил. В холодильнике обнаружились куриные ножки – ими она и решила заняться, чтобы скоротать время в ожидании...

Запеченные ножки дымились на столе рядом с салатом из свежих овощей, как он любил, – придерживался теории, что мясо нужно есть со свежими овощами. Заботился о здоровье, хотя курил. Особенно на некоторых встречах – дымил как паровоз. Ножки тоже сейчас дымились. Когда дымиться перестали, Ольга набрала номер его мобильного. Ответил автоответчик: «Абонент вне зоны...» Она не стала отправлять сообщение. Прошла в гостиную, переоделась в спортивный костюм – халаты дома она не переваривала, только после душа – перед сном и утром. Взяла дамский детектив, купленный на днях по акции «Любая книга по пятьдесят рублей». Решила, что лучше всего забить эмоции разумным видом деятельности, включив мозги. Но мозги не лампочка – нажатием на тумблер не включишь. Эмоции одерживали победу. Взгляд то и дело прыгал с текста на занавешенное окно, за которым притаилась ночь. Она отложила книгу и взяла с журнального столика фото, где они с Тимуром стояли на фоне тощего египетского верблюда.

Борьба разума с эмоциями закончилась вничью – разум просто отключился, а тело обмякло в кресле, утомленное тренировкой и недобрыми предположениями.

Средневековый город утонул в темноте. Густой сизый туман клубился у ее ног, принимая причудливые формы представителей местной фауны. Драконы, змеи, крысы. Ни одной живой души и тишина, прямо звенящая. Словно из воздуха выкачали все звуки. Недруг что-то изменилось. Дуновение ветра коснулось щеки, а потом из-за угла двухэтажного дома с мощными чугунными воротами вынырнула фигура. Зловещее существо в высоком черном плаще с капюшоном. Существо на секунду повернулось к ней – лица было не разглядеть, но она узнала его. Он опять появился в городе, он опять будет творить зло. И, как всегда, останется безнаказанным. Потому что городской судья снова его оправдает. Но есть она...

Существо, заметив ее, кинулось прочь. Плащ развевался за спиной двумя крыльями – казалось, еще немного, и убегающий взлетит. Она бросилась за ним, нащупав эфес шпаги и выхватив ее из ножен. Закричала: «Стой!» – но голос тонул в тишине, вместо крика раздавалось какое-то карканье. Или это вовсе не ее голос?

Она летела, с трудом преодолевая сопротивление холодного ветра. В узком переулке между двух домов настигла его. Он застыл и обернулся. На нее смотрела оскаленная волчья морда с горящими желтыми глазами. А когтистая мохнатая лапа сжимала кривой серп. Она растерялась на секунду, потом ринулась вперед, пытаясь вонзить шпагу в плоть оборотня.

Но острие лишь коснулось плаща. Дикий душераздирающий вопль зазвенел у нее в ушах, разрывая перепонки. Она не сразу поняла, что это не вопль, а смех. Жуткий, мерзкий.

Фигура ринулась из переулка, и они оказались на площади в венецианском стиле с традиционным фонтаном в центре. На одном из зданий она заметила старинную фреску – пылающий на костре ведьмак. И высеченную из камня надпись над его головой: «Горящие туры».

Оборотень подпрыгнул, серп сверкнул, крылья развернулись, закрывая и без того темное небо. Потом от него отделилось еще одно такое же страшилище, потом еще одно. Она уже сбилась со счету, их стало так много, что они закрыли небо, сливаясь в одну черную массу. И потом эта масса стала опускаться на нее. Она размахивала своей ипагой, но не могла достать ни одного врага. Черный купол опускался на нее, вдавливая в землю, стало трудно дышать. Мерзкий скрип, шелест крыльев. Вдруг ипага все-таки наткнулась на что-то твердое и тут же переломилась пополам. Она стала шептать слова заклинания, но язык не повиновался.

Ольга открыла глаза – из кошмара ее выдернул скрип открываемой двери, которую Тимур так и не удосужился смазать несмотря на ее просьбы. Так что войти незамеченным у него не получилось. Она слышала, как он возится в прихожей, стараясь не шуметь. Вот он снял ботинки, повесил пиджак, на цыпочках заходит в комнату – неразобранная кровать и притулившаяся на кресле любимая женщина.

Или не очень любимая. Не исключено – она для него тоже «синица».

Висящие на стене часы показывали семь утра. Припозднилась, однако, птичка. И по какой же, интересно, причине?

Он чмокнул ее в щеку и принялся снимать рубашку.

– Извини, не позвонил. Трубка сдохла.

Тон обыкновенный, без намеков на волнение.

Блин, и что она себя накручивала? Ну, действительно, села трубка... Профессиональная деформация. Никому не верить и сразу начинать строить депрессивные версии.

– Как прошло?

– Нормально... Достали эти москвичи... Еле вырвался. Представляешь, они продолжать поехали! И как здоровья хватает? Всю ночь в клубе куролесили, и мало! Сейчас в сауне!

– Ну тебя-то никто не заставлял куролесить.

– Я ж не мог их бросить! – Сняв рубашку, Тимур принялся за брюки, – Заказчики все-таки... Приходится развлекать. Слушай, сделай чаю с мятой, башка гудит... Часик посплю, потом поеду за ними...

Только сейчас он заметил неразобранный диван.

– Ты что, не ложилась?

– Бессонница.

– С чего это?

«Он абсолютно спокоен. Это была действительно рабочая встреча. Тусовки в ночных клубах с потенциальными партнерами – обыкновенное дело».

Ольга научилась отличать правду от лжи по малейшей интонации. Точнее, почти научилась. Лучше полиграфа. Практика. Как и обращать внимание на мелочи...

И если с интонацией сейчас был относительный порядок, то с мелочами... Прав старина Конан Дойл. Иногда досадные мелочи губят великие комбинации.

Маленькая бирка на майке предательски торчала с внешней стороны. Как и шов на лямке. Утром все было в порядке. Она бы заметила и заставила переодеться. Спокойно, спокойно... Мало ли что случилось? Мало ли зачем он снимал майку?

...Нет, а все-таки зачем? Если в сауну не поехал.

– И сколько их было?

– Кого?

– Москвичей?

– Трое... Жлобы еще те. Денег полные карманы, а платил я.

Тимур открыл шкаф-купе, достал вешалку, чтобы повесить брюки с рубашкой.

– Где вы гуляли?

– В «Пирамиде», я ж говорил.

Голос по-прежнему ровный, без оттенков.

– Во сколько приехали?

– Часов в девять где-то... Оль, ты чего?

Появился оттенок. Едва различимый, словно легкое колебание линии на полиграфе.

– Вас пустили сразу или была очередь? – не ответив, продолжила она.

– Очередь... Слушай, голова болит. Сделай чаю, пожалуйста.

Нет... Никаких оттенков. Никакого раздражения. Она ошиблась. Любой дрогнул бы, начни резко задавать неудобные вопросы. Даже абсолютно честный человек. У нее действительно профессиональная деформация.

– Да... Извини. Сейчас...

Ольга поднялась с кресла. На пороге комнаты на всякий случай оглянулась. Тимур нервно засунул вешалку в шкаф, рванул вправо дверь. Та не поддалась, видимо, что-то попало на пути колесика. Вместо того чтобы попытаться выяснить причину неполадки, сожитель повторил попытку с удвоенной силой. В результате колесико выскочило из направляющего рельса, и тяжелая зеркальная дверь вывалилась из шкафа.

– Блин!

Тимур попытался поставить ее на место, в результате совсем оторвал ползунок с колесиком.

...Нет, она не ошиблась... В обычной обстановке он никогда бы так не сделал. Без суеты бы разобрался, осмотрел и уж точно ничего бы не сломал. Его обстоятельность иногда даже слишком раздражала. Почему же сейчас психанул? Потому что она спросила про очередь? Нет. Потому что он понял, что прокололся. В будний день в «Пирамиде» никогда не бывает очереди.

На кухне Ольга проглотила таблетку цитрамона – ночь в кресле не прошла даром, на голову словно напялили чугунный котелок, правое плечо ныло – следствие неудобной позы. Нажала кнопку на чайнике, достала заварку и баночку с мятой, подаренную матерью. Ей бы тоже, наверно, лучше вместо химии выпить чаю с натуральными травами, но таблетка действует оперативней. А растягивать телесную пытку не хотелось.

Через минуту появился Тимур в вывернутой наизнанку майке и в шортах, которые он таскал дома вместо треников. Молча налил воды из графина, выпил. Алкогольного выхлопа Ольга не почувствовала, Тимур ездил на встречу на своем «фольксвагене», а лишаться прав в его планы не входило. Еще одна его особенность. Он все делал правильно и как положено, словно добропорядочный немецкий бюргер. Прямо мистер Пропер в известной рекламе, что в переводе правильный, корректный.

– Очередь в будний день?

– О! У нас же коньяк есть! – словно не услышав вопроса, радостно воскликнул он, раскрыв навесной ящик, исполнявший обязанности бара. – Лучшее средство от бессонницы! Граммов пятьдесят – и совесть чиста! Это у тебя из-за работы. Я, когда на повышение шел, тоже спал плохо. Будешь?

Ольга посмотрела на него взглядом уставшего инквизитора, допросившего десяток еретиков кряду, и уточнила вопрос:

– В каком месте зала находился столик, за которым вы сидели?

– От входа слева... Какая разница?

Тимур достал сигарету, включил газ и прикурил от конфорки. Он никогда не курил на кухне, всегда выходил на лестницу.

– Здесь не курят.

– Оль, ну зачем ты так? – Он послушно загасил сигарету под струей воды. – Что за допросы? Думаешь, я налево ходил? Да? Оленька, у тебя деформация. Профессиональная. Но при этом отсутствие элементарной логики. Если б я тебе изменил, то так бы обставился, что комар носа не подточит... За каким столом сидели... За круглым!

Голос с явной обидой. Наигранной или нет, сказать сложно.

Да, это деформация. Действительно, ведь обставился бы... Но вместо того, чтобы извиниться, она задала следующий вопрос. Правда, с более мягкой интонацией:

– И все-таки... Кто вас обслуживал? Мужчина или женщина?

Тимур не выдержал издевательств над свободной личностью.

– Мне вот только допросов сейчас не хватало! Оль, у меня тяжелейшая ситуация с бизнесом! Я не знаю, что будет завтра! На хрена мне еще какие-то проблемы?! Как ты вообще можешь меня в чем-то подозревать? М?! И это вместо поддержки, которой мне так не хватает. Или тебя что-то во мне не устраивает?! Так скажи прямо, а не устраивай дознание!

– Что ты заводишься? Я просто спросила.

– Нет, ты не просто спросила. Ты мне допрос с пристрастием устраиваешь. Что происходит вообще? Что с тобой?

– А с тобой?

Тимур, дабы обдумать ответ, налил еще воды, залпом выпил.

– Знаешь? Ревность без причины – это недоверие к самому себе.

Поставив стакан, он ушел с кухни, но в коридоре обернулся и порадовал еще одной цитатой собственного сочинения:

– Запомни: тех, кто никому не верит, легче всего обмануть.

– Ага. И лучше быть обманутым, чем обманывать самому.

Да, наверно, она переборщила. Ну, подумаешь, майка... Они же были в сауне, Тимур мог составить компанию в парилке. Бессонная ночь, надел майку наизнанку. Зачем она себя накручивает?

Надо извиниться. Но сначала еще один маленький, контрольный тест.

Ольга убрала в ящик банку с мятой и тоже прошла в комнату. Тимур сидел в ее кресле с обиженным выражением ученика, не выучившего задание и неожиданно для него вызванного к доске.

– Ну что?! Допрашивай дальше! Может, явку с повинной написать? Что пожелаете! Только в тюрьму не сажай!

– Ночной клуб «Пирамида» два дня назад закрыла пожарная инспекция. Новости читать надо, – холодно, словно судья, читающая приговор по скучному делу, произнесла любимая (или не очень) женщина.

Нет, Тимуру далеко до Штирлица. Тот глазом не моргнул, когда услышал от Мюллера про пальцы на чемоданчике радистки. А любимый мужчина моргнул. И не один раз.

– Я сказал «Пирамида»?.. Да не «Пирамида»! «Парадиз»! Перепутал. Слова похожи.

– Я пошутила. Клуб «Пирамида» работает.

Когда Ольга выходила из маршрутки, он позвонил.

– Оль, послушай... Ты раздуваешь проблему на пустом месте... Ну так же нельзя. И потом... Мы пока не муж и жена.

– Да... Ты прав... Слава богу, мы не муж и жена. Шкаф почини. Дверь захлопни. Две твоих рубашки лежат в стиралке. Не забудь. Извини, мне некогда.

Не дослушав ответ, она нажала отбой.

Она ненавидела предателей. Она не терпела, когда ввали на голубом глазу. Даже во благо. И это не было профессиональной деформацией. Характер.

И как следствие – приговор. «С вещами на выход! У вас нет права на адвоката!»

И как второе следствие – полная неустроенность личной жизни.

Учреждение, в котором она служила, располагалось в небольшом двухэтажном кирпичном здании с прилегающей территорией, огражденной двухметровым металлическим забором, поверх которого вилась бдительная колючая проволока. Пока не под током. Когда-то в здании находился городской ОВИР, но после реформы он вышел из Министерства внутренних дел и освободил помещение. Еще раньше здесь размещался обыкновенный детский садик, а что было до садика, никто не помнил. Может, невольничий рынок, а может, стойбище кочевников. В любом случае забор появился год назад, когда новая организация въехала в старые стены. Организация полузакрытая, уличных наблюдателей ей не нужно. Возле проходной повесили камеру наблюдения – дань безопасности.

Спустя неделю после возведения забора камера засекла подозрительную сцену. К проходной подкатили невзрачные «жигули» классической модели, из них вышел такой же невзрачный субъект, быстро положил под дверь полиэтиленовый пакет с лейблом салона дамского белья «Озорница» и отвалил. Пакет, конечно, не пустой. Первая мысль, посетившая несшего вахту бдительного сотрудника, была связана с повышением зарплаты, вторая – с эротическим дамским бельем, третья – с террористическим актом. Зарплата при любых обстоятельствах стояла на первом месте.

Пакет оцепили, вызвали саперов. Те осмотрели подарок, но разворачивать не рискнули. Предложили сразу уничтожить, благо есть специальная пушка для подобных целей. Получив добро, подогнали орудие и пальнули, предварительно эвакуировав народ из учреждения и прилегающих зданий. Ничего не взорвалось. Зато, когда рассеялся дымок, в воздухе беспорядочной стаей кружили купюры различного достоинства. Российского и иноземного происхождения. Некоторые горели. Собрали, подсчитали. Тридцать шесть тысяч нашими и около двух сотен европейскими. Тут же догорали бланки протоколов о нарушении правил дорожного движения. И никакой бомбы. И никакого дамского белья. Что особенно обидно.

Стали разбираться. Для начала без проблем нашли хозяина «жигулей» – камера зафиксировала номер, и он оказался подлинным. Жестко задержанный юноша ничего не скрывал, сразу во всем признался. Да, пакет положил он. С благими намерениями. Несколько дней назад превысил скорость и был остановлен бдительным инспектором ДПС. Бдительность заключалась в том, что тот не пригласил юношу в свою машину, где стоял видеорегистратор, а сел в тачку задержанного. Дальше, как водится, предложение не давать делу хода и торги о сумме отступных. Но в самый разгар торгов инспектор заметил, как к ним на крайне неприличной скорости приближается дорогой «лексус», хозяин которого в материальном плане представлялся значительно перспективнее владельца раздолбанных «жигулей». Схватив жезл, страж храбро ринулся наперерез, дабы предотвратить аварийную ситуацию. Первый же нарушитель, не дожидаясь окончания разборок, благоразумно с места происшествия скрылся. И только во дворе родного дома обнаружил на полу у переднего сиденья инспекторскую папку. Ситуация патовая: вернешь папку – экономически пострадаешь, а то и прав лишишься. Не вернешь – есть риск, что найдут, и тогда пострадаешь еще сильнее. Вот и нашел разумный выход. Подкинуть папку со всем содержимым в сочувствующую организацию. А та уж пускай разбирается, что это за деньги.

Организация называлась «Отдел собственной безопасности при УВД города Юрьевска». Увы, не Управление, а всего лишь отдел. До города-миллионника Юрьевску еще размножаться и размножаться, поэтому никаких Управлений.

Инспектора, к слову, уволили, а уцелевшие после направленного взрыва деньги передали в местный бюджет.

Ольга приветственно кивнула сержанту, дежурившему сегодня на вахте, и миновала двор, в котором стояли несколько служебных авто. Личный транспорт начальник отдела сюда не пускал. Юрьевск пока не страдал от отсутствия парковочных мест. Нечего баловать.

Лестница, дежурная часть, узкий коридор, отделение кураторов, кабинет. На двоих. Роскошь по нынешним временам.

Вообще-то основной задачей отделов собственной безопасности является защита несчастных сотрудников внутренних дел от преступных посягательств. Что и заложено в названии. А не только борьба с оборотнями, как считают обыватели. Кураторы занимались как раз вторым. За каждым закреплялся определенный район, где они выводили на чистую воду нечистоплотных сотрудников с грязными руками, горячей головой и холодным сердцем.

Сосед по служебной площади Коля Бойков – симпатяга в возрасте Христа, вместо того чтобы ловить оборотней, чинил холодильник, который же сам и притащил сюда месяц назад. Родители купили новый, а старый забрал сыночек. Не выбрасывать же? Пусть послужит в органах правопорядка. Агрегат жутко урчал, Ольга просила вызвать мастера, но Бойков, видимо, решил продемонстрировать свои технические способности. Сейчас на его столе лежал препарированный мотор, а сам Коля напоминал хирурга с отверткой вместо скальпеля.

– Привет, – мрачно поздоровалась Ольга, плохо переносившая последствия бессонной ночи.

– Привет, – так же мрачно отозвался коллега, который, по всей видимости, не справлялся с миссией.

– Ну ты тут развел... Не проще ли мастера вызвать? Или Иваныча попросить?

Иваныч, а точнее Антон Иванович Чистов возглавлял техническое отделение, отвечая за всякого рода шпионские приспособления. Будучи человеком предпенсионного возраста, любил пожаловаться на действительность: «Страшное наступило время – даже с электробритвы можно выйти в Интернет и обновить ее до последней версии. Сначала айфон, потом убийцы айфона, потом убийца убийцы айфона. Попробуй угонись».

– Сам справлюсь... Будет лучше нового. Эх, вот уйдешь на повышение, кто тебе холодильники чинить будет?

– С повышением еще не решено. Только новый район дали.

– А у меня другие сведения. Тебя наметили в начальники отделения гласных проверок.

В упомянутом отделении, занимавшемся рассмотрением всякого рода жалоб от гражданского населения, обиженного органами, действительно была вакансия руководителя, но официально Ольге занять это место пока никто не предлагал. Так, только намекали.

– Откуда информация?

– Дружный коллектив. Кстати, о коллективе. Кадры собирают деньги на похороны. Я сдал за тебя сотню.

– Кто умер? – напряглась Ольга.

– Крестничек твой. Красавин.

– Что случилось?

Бойков, не отрываясь от холодильника, щелкнул пальцем по подбородку.

– Ушел в себя. Дома нашли. На гражданке так и не устроился.

– Жаль...

Ольга произнесла слово «жаль» с явно оправдательным оттенком. И Бойков это уловил.

– Да я ж не осуждаю, ты не подумай... Интересная штука. В одной системе служим, деньги на похороны собираем, а формально – в другом окопе.

Красавин работал оперуполномоченным по борьбе с экономическими преступлениями в Северном райуправлении, которое до недавнего времени курировала Ольга. Помимо основ-

ной деятельности негласно помогал знакомым с возвратом НДС благодаря связям в налоговой инспекции. Довольно распространенный бизнес в полицейской среде. В том числе и с использованием аморальных схем. Красавин никаких схем не использовал, просто ускорял вполне законный процесс. Но за дольку малую. Это не преступление, но вполне достаточный повод для увольнения. Получив информацию, Ольга провела «контрольную подставу» и поймала халтурщика с поличным. Написать заявление «по собственному» бедолаге не позволили, вытурили с «волчьим билетом». Оказавшись вне системы, Красавин пошел по проторенной дорожке: дорогой алкоголь – средний алкоголь – дешевый алкоголь – паленка – могила.

Ольга полезла в сумку за кошельком. Тот лежал на глубине, пришлось извлекать содержимое. В том числе две связки ключей от квартиры. Свою и Тимура. Тимуровскую со злостью швырнула в стол, что не укрылось от глаз бдительного коллеги.

– Что-то случилось?

– Ничего, – буркнула соседка с таким выражением лица, словно съела живьем жирную гусеницу.

– Похоже, у тебя перемены в личной жизни. Угадал?

Ольга не ответила, сунув свою связку обратно в сумку. Будь на месте Кольки любой другой, не ответила бы тоже. Не хотела.

Очень вовремя заглянул дежуривший сегодня оперативник Гриша Жуков по прозвищу Маршал. Постоянного дежурного офицера по штату не полагалось, несли вахту по очереди.

– Ольга Андреевна, там заявитель по вашей «земле». Мне поговорить или сами?

– Лучше самой, – тут же дал совет Бойков, – нет лучшего средства от сердечных болячек, чем добросовестный труд на благо родины.

– Гриш, я подойду.

Ольга, наконец, добыла из глубин кошелька, отдала сотню Бойкову и вышла следом за Гришей.

Для бесед с обиженными полицией гражданами был выделен специальный кабинет. В нем не висело ни календарей с веселыми девчонками в бикини, ни дурацких надписей типа «Незнание закона не освобождает от ответственности. Знание – тоже», не болтались боксерские груши, не рос укроп на подоконниках и не пели канарейки в клетках. Все аскетично-строгое. Стол, несколько стульев, местный телефон, мусорная корзина, чтоб сразу выбрасывать заявления сумасшедших. Двумя словами – серьезное госучреждение.

Ольга решила последовать совету Бойкова – отвлечься и самой поговорить с заявителем. По местным обычаям, если это будет официальная жалоба, она переправит ее в отделение гласных проверок, но если человек тайно решил поделиться наболевшим, не рискуя марасть бумагу, займется сама.

Сегодня был второй вариант. Наркоманистого вида студент колледжа по фамилии Самохин с таблетками в мочках ушей попыток достать авторучку из куртки-толстовки не предпринимал и бумаги не требовал.

– Короче, тысячу зарядил. Евро, – голосом подсудимого, канючащего смягчить приговор, гундосил он, – я подсуетился, нашел.

– Не поняла... Ты что, уже отдал деньги?

– А куда деваться? Там или – или.

– Так от нас-то что хочешь? Ладно б не передал, мы бы его с поличным задержали. А сейчас? Попросить, чтобы вернул? – Ольга усмехнулась. – Не вернет.

– Конечно, не вернет, – согласился парень, – обидно просто. Он же и дальше будет трясти. Ладно б там что-то серьезное, а там две таблетки всего.

– Ты их действительно купил или подбросили?

– Купил.

- Где, у кого?
- Какая разница? Я ж не отрицаю.

На последней реплике голосок дрогнул, что не утаилось от чуткого уха охотника на оборотней. И дрогнул не потому, что парень боялся сдать продавца. Поэтому желательно провести сеанс экстренной терапии.

- Где ты передавал деньги?
- В кабинете.
- Она не спрашивала, куда были положены деньги, но парень зачем-то пояснил:
- В конверте. Он в стол положил.
- На каком этаже кабинет?
- На первом.
- Номер помнишь? Быстро отвечай.

- Седьмой, кажется.
- Сколько столов в кабинете?

– Ну... Один, – Жалобщик явно не понимал, к чему эти вопросы. Аж таблетки в ушах позеленели. – Там еще календарь на стене. С китайцем каким-то. Вы что, мне не верите?

Ольга притормозила... Блин, ну почему она никому не верит? Что с ней? Так же нельзя! Тимур у нее не верил, оправдываясь профессиональной деформацией, а на работе заявителям не верит, оправдываясь Тимуром. Замкнутый круг. Но ведь кому-то надо верить. Не могут же все поголовно лукавить, врать, предавать? Вот зачем она привязалась к этому студенту, вместо того чтобы поблагодарить за информацию?

- Это формальность... Извини... Ты будешь писать заявление?

– Ну на фиг. Чтоб башку потом проломили? С него станется. Я вам накоротке. Беспредел же полный.

- Нечего наркотики глотать, не будет и беспредела.
- Я так и думал... Все вы тут. Рыбак рыбаку глаз не выключает. – Парень принялся активно грызть ноготь на мизинце, видимо выражая тем самым обиду на систему. После встал со стула.

- До свидания...
- Я тебя не отпускала. Присядь, – уже мягче попросила Ольга.

Самохин опустился на стул.

- Юра, ты же знаешь свой район?
- Ну так... И что?
- Может, слухи ходили, у кого он еще вымогал деньги?
- Ну, вообще-то, ходили. Он цыган якобы трясет, – примирительно кивнул Самохин.
- Каких цыган?
- Ну у нас тут поселок недалеко. Они ему платят, чтоб наркотой торговать спокойно.
- Понятно... У меня просьба. Ты поспрашивай знакомых, может, он еще кого напрягал?

Два эпизода – не один. Зацепим.

Лишний источник информации ей в новом районе не помешает. Тем более что их пока не так и много. Надо вербовать людей, надо.

- Ну ладно, поговорю...
- Вот мой телефон, – Ольга вырвала из блокнота листик, написала номер рабочего телефона. – Что узнаешь, звони. Как ты догадываешься, у нас с тобой общие интересы.

Едва Самохин вышел, она набрала номер информационно-аналитического отделения.

– Наташ, привет... Посмотри, пожалуйста, по нашей базе. Копейкин. Кирилл Павлович. Старший опер в моем новом районе. Все – жалобы, сигналы, нарушения... Я попозже зайду.

– Отец, меня вчера обозвали. Даун... – Рамир заглянул в бумажку, – дауншифтером. Не знаешь, это ругательство или приличное слово?

– Не знаю. В Интернете посмотри.

– Я смотрел. Не понял ничего.

– В другом Интернете посмотри, – пошутил тот, кого назвали отцом.

Сей незатейливый разговор проходил на цыганском языке в полдень по юрьевскому времени в салоне внедорожника «Toyota Land Cruiser», двигавшегося по улице имени Надежды Крупской. Третий участник – младший брат Рамира Буза, сидевший на водительском месте, решил блеснуть эрудицией и вклинился в диалог:

– Наверно, ругательство. Даун – это дурак. По-английски. Ты – дурак.

– Вот сволочь, – саданул Рамир по торпеде с такой силой, что рисковал получить ответный удар от подушки безопасности.

– А кто обозвал? – уточнил сидящий сзади отец с относительно русским именем Василь – цыган, никогда не снимавший шляпы. Возможно, даже ночью. Ибо шляпа у цыган – символ верховенства и авторитета.

– Да Буйвол!

– Опять он? Зачем с ним встречаешься? – задал еще один строгий вопрос отец. – Мы к нему не лезем, пускай и он не лезет.

– Я не встречаюсь! Он сам подкараулил! Возле супермаркета. Третий раз.

– И что ему теперь надо?

– То же самое. Сказал, чтобы я подвинулся. И не забирал у него клиентов.

– А ты?

– Я не разговаривал с ним! Сразу ушел. А он крикнул, что я борзею, и этим... дауном обозвал.

– Правильно, что не разговаривал. А ругань денег не просит. Обзови его тоже и успокойся.

Джип резко затормозил, едва не протаранив бампер остановившегося впереди «жигуленка» с бумажными транзитными номерами. Висящая на зеркале связка пестрых бус весело стукнула по лобовому стеклу. Все трое синхронно выругались на задорном цыганском наречии. Следовавшая за цыганским «круизером» «Газель» тоже еле успела затормозить. Ни светофора, ни шлагбаума, ни глупого пешехода перед «жигулями» не наблюдалось. Скорее всего, отечественное авто банально сломалось. Действительно, через секунду водитель включил аварийку.

– Ездят на ведрах, – пробормотал Буза, осторожно сдвывая назад.

Но сдать не вышло – мешала «Газель», за которой тут же образовалась пробка.

Мотоциклисту на японской раскрашенной «Ямахе», ехавшему следом, было проще. Он мог обогнуть препятствие по обочине. Что и сделал. Когда он поравнялся с джипом, Рамир услышал над головой какой-то странный звук, словно невидимая рука положила на крышу коробку с тортом или пиццей. Буза тоже услышал, после чего тут же притормозил, поставил рычаг автоматической коробки на «нейтраль» и взялся за ручку своей двери.

Больше он ничего сделать не успел. Потому что сработали подушки безопасности. Но спасти им было уже некого. Направленный взрыв правильной мощности делает голову человека похожей на арбуз, выброшенный с десятого этажа. А головы двух человек – на два арбуза. Мощность сегодняшнего взрыва была даже чересчур правильной. С запасом. Триплексное лобовое стекло вылетело наружу целиком. Мало того, тортик оказался с начинкой – рублеными гвоздиками и шариками от подшипника.

Тем не менее третий человек уцелел. Глаза от ожога спасли широкие поля волшебной шляпы и подголовник переднего кресла. Уши заложило, а часть подбородка и губы превратились в напигованный металлом и стеклом фарш. Но это не смертельно. Максимум – проблемы с дикцией и со слухом. Он мешком вывалился из салона на обочину и отполз в канаву, несмотря на серьезную контузию. Тут же, в канаве, уже прятались случайные прохожие, посчитавшие, что началась война или метеоритный дождь.

Сломавшиеся «жигули» мгновенно починились и умчались по улице Надежды Крупской вслед за мотоциклистом, эффектно поднявшим свою «Ямаху» на заднее колесо. Шофер «жигулей» такой трюк повторить не смог.

Никто из водителей проезжавших навстречу машин не разворачивался и в погоню не бросался. Потому что дым от взрыва закрыл обзор.

Да даже если б и не закрыл. Брюса Виллиса среди свидетелей не оказалось.

Главный охотник на оборотней в погонах города Юрьевска полковник полиции Борис Дмитриевич Царев, или Царь Борис, как его звали в народе, разговаривал по мобильной связи с женой исключительно стоя. Странная привычка. Он не вставал, когда звонили генералы или даже заместители министра, но, если звонила Тамара, ноги автоматически поднимали зад. Несмотря на больную спину.

– Тамара, мы каждый месяц платим за текущий ремонт дома! Представь, если я буду требовать с начальников райотделов мзду за поимку предателей! А почему этот умник канючит? Ему жилконтора платит!.. Пускай ремонтирует, пока отопления нет, и не выпендривается... Хорошо-хорошо, когда придет, набери меня, я ему объясню!

Царев отключил телефон и повернулся к пришедшей на доклад Ольге. Вообще-то Ольга должна была доложить его заму по оперативной работе, то есть своему непосредственному начальнику, но тот временно отсутствовал по причине перенесенной операции по удалению межпозвонковой грыжи. Царев, дабы не разводить канцелярщину, приказал всю срочную информацию сообщать напрямую.

– Хм... Извини... Бытовые проблемы. Садись... Ну что там?

– Обычное дело. Опер прихватил студента в ночном клубе с парой таблеток, снял тысячу евро, чтобы не штамповать материал. Студент вроде не врёт, смысла нет.

– Заявление оставил?

– Нет. Боится. По слухам, он не первый.

– Что за опер?

– Копейкин. Кирилл Павлович. Пятый месяц в районе. Я попросила Наташу, она посмотрит, что на него есть.

– Копейкин? – Царев посмотрел на Ольгу, словно Петр Первый на сына-предателя со знаменитого полотна художника Ге. – Я был уверен, что он давно на гражданке.

– Знакомая личность?

– Еще бы!

– Со знаком плюс или минус?

– Я б сказал – со знаком вопроса.

Борис Дмитриевич тоже сел и перешел на полусшепот. Оперативная привычка. Кто знает, не прокрались ли оборотни в отдел? От них всего можно ожидать. На то они и оборотни.

– Он в «Южном» работал, у Бородина. Прошлой зимой был в бригаде по двойному убийству. Женщину с пацаном в подвале нашли, помнишь? Она задушена, у мальчишки – черепно-мозговая. Подозревали сожителя – азербайджанца... Алиева. Но не доказали. Выпустили. А через месяц сожителя нашли возле этого подвала с огнестрельным в голову. Никто выстрела не слышал, видимо, стреляли с глушителем. Либо привезли труп к подвалу специально. Вроде как месть.

– И что?

– Да, в общем, ничего... Просто убитый в тот день был вызван Копейкиным в отдел, якобы для какой-то формальности. Но не доехал. У самого Копейкина алиби не было. Его, конечно, покрутили, но ничего не выкрутили.

– Вызов еще ни о чем не говорит... Может, совпадение.

– Алиев боялся мести, прятался на съемной квартире, пока страсти не улягутся. Практически не выходил, еду земляки таскали. Из страны не уехать – паспорт посеял. Ждал, когда в посольстве бумаги подготовят. Но к Копейкину поехал. По пути должен был захватить адвоката. Но не захватил... Вряд ли Копейкин стрелял сам, но наволочку мог дать. За вознаграждение. Тому же брату убитой... С другой стороны, опер вроде неплохой, показатели делал.

– Самые лучшие показатели у тех, на ком клейма ставить негде. И чем все закончилось?

– Моржов дал команду начальнику райотдела на его увольнение... По-тихому, от греха подальше. А его, выходит, не уволили. Просто перевели в другой район. Стало быть, он теперь твой клиент.

– Мой. Завтра съезжу в отдел, познакомлюсь.

«Познакомиться» на языке храбрых охотников на оборотней вовсе не означало знакомство в общечеловеческом понимании этого слова. Никаких «Разрешите представиться» или «Очень приятно». Для начала поездка в «кадры» – изучить личное дело. Дел бралось несколько, чтобы никто не понял, кого именно проверяют. Ничего не напишешь – кругом предатели, иногда даже и во вроде бы некоррупционных «кадрах». Затем визит в отдел под видом общей проверки. Копание в архиве, в материалах клиента. Куратор ОСБ имел право проверять свое подразделение в любое время суток и по любому поводу. Причину мог вообще не объяснять. После желательно осмотреть служебное логово предполагаемого оборотня. Самый простой способ – заявиться, когда тот отсыпается дома после суточного дежурства, потребовать у руководства ключ от кабинета якобы для бесед с личным составом. Если кабинет персональный, на одного. А если общий, то и ключ не нужен. Действительно побеседовать, спрашивая между делом и про хозяина кабинета. Посмотреть, что на перекидном календаре, – обычно все секреты на нем и хранятся. Заглянуть в стол, в мусорное ведро – тоже кладезь компромата. В общем, банальный шпионаж, как бы гнусно это ни звучало. Зато хоть какую-то инфу получишь. Да и в архиве можно много чего накопать, особенно по «отказным» материалам. Система устроена грамотно. Накопать можно даже на бюст Дзержинского в коридоре. Не говоря уже про оперов. Потому что без меча над головой люди расслабляются, ленятся, а то и вообще – лезут в политику или в оппозицию.

– Хорошо, – согласился Царев, – поезжай. Будет что-то реальное, я пробую мероприятия на пару недель.

«Мероприятия» – еще одно производственное словечко. Суть их, с точки зрения морали, не совсем правильная, но с точки зрения получения нужных сведений – вполне приемлемая. Главное – определиться, что важнее в текущий момент – цель или средства?

– И поаккуратней... Я по-прежнему не исключаю, что он связан с тем убийством.

– Копейкин! Где тебя черти носят?!

– Да заглох на перекрестке! Карбюратор опять! Заливает, хоть тресни!

– Бегом надо на такие заявки бежать!

– Бегаю неважно.

Старший оперуполномоченный криминальной милиции Кирилл Павлович Копейкин, тридцатилетний мужчина антигламурной наружности, прибыл на место происшествия одним из последних, примерно через час после взрыва. Прибыл на личной «девятке», двухтысячного года выпуска, поломкой которой и объяснил шефу свое опоздание. За что от последнего и огреб. Работа уже кипела полным ходом, все суетились, мешая друг другу, отчего осмотр места происшествия напоминал подготовку к ток-шоу, только вместо кресел для приглашенных гостей на площадке стоял джип без крыши. Помимо упомянутого начальника отдела с пернатой фамилией Сычев на площадке присутствовали следователь следственного отдела, пара экспертов-криминалистов, судебный медик, кинолог с собакой, взрывотехник местного СОБРа

Репин¹, представитель Управления Слепнев, напарник Копейкина Леша Батраков и еще человек десять непонятного происхождения и звания, но отдающих строгие команды. Успели полететь репортеры местных СМИ, но их не пускали за ленточку бдительные постовые и бойцы ОМОНа.

– И кому сегодня не свезло?

– Цыгане. Братья Васильевы. Рамир и Буза. Твои красавцы.

Разумеется, братья не принадлежали Копейкину на правах аренды или крепостной собственности. Просто они проживали в цыганском поселке, входившем в состав участка, на котором боролся с преступностью Кирилл Павлович.

– На Страшный суд их примут без очереди. Прости мою душу грешную, – заметил он, рассматривая останки несчастных ромалов. – Так. Судя по расположению тел, джипа и прочих мелких деталей, предположу, что работал мотоциклист. Скорее всего, во время вынужденной остановки джипа. Перед самым джипом, если верить следам, остановились «жигули» желтого цвета. Дальше – по схеме. Заряд на крышу – и линять. Сколько тротила, сказать не могу, но, возможно, это был и не тротил вовсе.

– Блин... Точно. – Леша посмотрел на коллегу, как доктор Ватсон, или Уотсон, на Шерлока Холмса. – Ты как понял?

– Во-первых, дедукция, во-вторых, дедукция, а в-третьих, по радио передали. И еще, что потерпевших трое. А в джипе только пара. Куда третьего дели?

– Выжил. Батка их, – Батраков показал пальцем на карету «скорой», – с ним бы потолковать, когда челюсть поправят.

– Да не скажет он ни хрена. Цыгане... Гордый, но молчаливый народ, воспетый великим Кустирицей.

– А ты попробуй, – тоном, не терпящим возражений, предложил Сычев, – языком трепать мы все горазды.

Куратор из Управления Слепнев, круглолицый щекастый майор, одетый в камуфляжную ветровку, заметив Копейкина, тут же подошел и принялся курировать:

– Привет. Твоя территория?

– Вообще-то, государственная.

– И что думаешь?

– Буйвола трясти надо. Цыгане у него клиентуру отбивали.

Все понимали, о чем шла речь. Не о «гадальном» или «Христа-радном» бизнесе. Торговля оптом и в розницу веществами, не рекомендованными к употреблению и распространению Уголовным кодексом. Наркотики различной степени тяжести. И смешливая анаша, и душегубный героин, и даже богемно-убойный кокс. Все можно было найти в славном цыганском поселке, особняки которого порой превосходили роскошью дома на московской Рублевке.

И процветал бы бизнес и дальше, не появившись в здешних краях суровый человек с серьезным прозвищем Буйвол, решивший составить недобросовестную конкуренцию цыганам. Чтоб у граждан был выбор. Не в антимонопольный же комитет им обращаться.

Первое время все шло нормально. У цыган своя постоянная клиентура, незнакомцу без рекомендательного письма они ничего не продадут. Но и рекламных акций в городе не проводили – на чужую территорию не залезали. Буйвол же принялся нагло демпинговать. Клиентура, естественно, повернулась в его сторону. Зачем покупать три дозы по пять, если можно купить пять по три? Цыгане ответили тем же. Но демпинговать до бесконечности невозможно, ниже себестоимости не опустишься – закон рынка. Стало быть, кто-то должен уйти – таковы понятия. Цыгане на открытый конфликт не шли, руководствуясь принципом: мы ни к кому не

¹ Репин – персонаж повести «Опережая выстрел».

лезем, не лезьте и вы к нам. Они по менталитету мошенники, а не воины, в отличие от тех же кавказцев. Буйвол же, по всей видимости, применял другой принцип – деловому спору тротил не помеха. Что, похоже, и продемонстрировал сегодня на практике.

Рамир был одним из самых крупных представителей местного траффика.

Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в конфликт особо не вмешивался, имея понемногу с каждой стороны. Для приличия периодически ловил мелких сбытчиков, делая показатели. Но применять решительные меры не хотел, а может, и не мог. По различным причинам, необязательно только коррупционно-финансовым.

– Как бы будилаи войну не развязали, – беспокоило заметил Сычев.

– Не развяжут, – заверил Копейкин, – это ж не дети гор. Народ мирный.

– Как сказать. Все-таки два покойника. Да еще таким креативным способом.

– Так, – куратор Слепнев решил взять командование в собственные руки, – свяжись с ГИБДД, пусть проверят, нет ли здесь камер слежения. Потом в табор. Найди родственников. В шесть в следственном отделе, подводим итоги и составляем план. В прессу ничего не давать. В Интернет фотки не выкладывать.

Последнее указание было актуальным. Некоторые нерадивые сотрудники выкладывали в социальных сетях фотографии с мест происшествий, сделанные на мобильник. Безо всякого злого умысла, атак – приколотся, почитать добрые комментарии и посчитать «лайки».

– Копейкин. Подготовь справку по потерпевшим и этому Буйволу. Все, что знаешь.

– Не вопрос. Только принтер заправлю. Чернила кончились.

Шкаф Тимур, конечно, не починил. Мало того, не забрал из него пару костюмов и свои рубашки из стиралки. Наверняка специально, чтобы был повод вернуться. Несколько раз он звонил, но Ольга не брала трубку. Прислал эсмэску – когда можно приехать? Она не ответила.

Матери, позвонившей с дачи, ничего не сказала. Зачем лишний раз расстраивать? На работе поделилась лишь со Светкой Родионовой, подругой из отдела специальных операций. Светка решение выгнать Тимура не одобрила:

– Подумаешь, в сауну ходил. Они все ходят. А вы даже не женаты. Я бы не торопилась. Хорошие мужики на дороге не валяются. Валяются плохие. И вообще, у тебя альтернатива есть? Ну прогонишь его, и что дальше?

Может, она права? Альтернативы нет, богатства выбора тоже. И что теперь? В сухом остатке? Опять одна? Нет, не одна.

С цветком мужегоном.

Но тут же Ольга представила сцену в сауне. Парилочка, банкетик, прокуренная комнатка с табличкой «Для отдыха», на запотевших зеркальных стенах которой не хватило бы места, чтобы вписать имена всех изменщиков, побывавших здесь. Девочка, чья память бы взорвалась, попытайся она запомнить имена всех клиентов. Или две девочки. Или три. И среди этого великолепия Тимур со счастливой улыбкой...

«А может, я просто накручиваю? Да, он ходил с москвичами в сауну за компанию, но услугами девочек не пользовался. Почему же тогда не сказал? Не хотел огорчать? Ерунда. Ну ходил с мужиками в баню, ну что такого? Нет, он там не только парился...»

Взбунтовавшееся воображение никак не хотело поддаваться контролю. И чего Тимуру не хватало? Ольга подошла к зеркалу. Попробовала взглянуть на себя его глазами. Зеркало предложило ей симпатичную особу с затравленным взглядом. Слишком серьезная, чтобы нравиться? К своей внешности она относилась довольно скептически. Эталонной красавицей себя не считала. Мужики, по крайней мере, в очередь не вставали. Кроме откровенных бабников, которым все равно с кем. Но таковые только раздражали.

Работа увлекала ее гораздо больше, чем романтические чувства. При этом социальные стереотипы не обошли стороной – в ее возрасте многие женщины счастливо или нет существо-

вали при мужьях, а кое-кто и при детях. Стереотипы довели, незаметно навязывая комплекс неполноценности, прививки от которого она пока не нашла. Тимур на время стал суррогатом, заменой, пусть без особого взрыва страстей, зато как у людей. Теперь нет и его. А страстей ей и на работе хватает. От личных отношений она ждала в первую очередь тыла – надежного и спокойного, без предательства. И вот, вместо ожидаемого полный крах. Опять одна. Только я и работа. Вечный тандем. А может, нормальный мужик просто не вписывается в ее ненормальность? Означает ли это, что ей нужен такой же, как она, ненормальный?

Она взяла со столика египетское фото, но вытаскивать его из рамки не стала. И тем более рвать и выкидывать с балкона. Не так просто вычеркнуть из памяти кусочек жизни, пусть и не очень продолжительный. Это не файл компьютерный. «Delete». «Вы уверены, что хотите удалить данный файл?» Уверена. «А хрен вам!»

...И все-таки случившееся утром для нее только повод. Повод сказать: «Извини, я ошиблась». Потому что признаться честно – страшнее, чем найти повод для разрыва. Конечно, это аморально – перекладывать вину на другого, но...

Нет, Тимур порядочный, хороший человек. В чем-то даже замечательный. И скорей всего, он не изменял ей. Просто не ее «формат», как модно нынче говорить.

А кто ее «формат»?

Вспомнилась фраза из любимого с детства фильма «Табор уходит в небо». Там главная героиня, цыганка, говорила примерно так: «Я хочу такой любви, чтоб зазвенела я, как натянутая струна».

А она вряд ли уже зазвенит.

Леша Батраков появился на крыльце отдела с таким выражением лица, будто узнал, что завтра его отправляют в горячую точку, из которой еще никто не вернулся живым. Увидев Копейкина, копавшегося в недрах своих «жигулей», спрыгнул с крыльца и устремился к нему, на ходу доставая тонкую сигаретку. Он дорожил здоровьем и толстые категорически не употреблял. Да и Госдума агрессивно капала на мозги.

Наклонившись к Копейкину, он выдал дежурную порцию мата, также не одобряемого законодателями, после чего перешел к сути: – Там эта крыса из ОСБ в твоём кабинете. Горина. Шеф пустил. В материалах копается. Тебя зовет.

Копейкин тоже для приличия пропустил пару непечатных реплик. Вроде как дань этикету.

– Пускай бы в красный уголок сажал! Опять ко мне! Надо забрать ключ из дежурки.

Обладая относительной роскошью – отдельным кабинетом, Копейкин постоянно за эту привилегию расплачивался. Всяких кураторов, проверяющих и прочих командировочных сажали именно к нему. Если, конечно, Копейкин в этот момент не находился на рабочем месте. Второй ключ хранился в столе дежурного.

– Кто такая? – Он ветошью вытер руки.

– Стерва, каких мало. Пять лет в следственном отделе, потом в ОСБ перешла. Серегу Красавина помнишь из «Северного»? Она смайнала.

– Который умер?

– Ну, – Батраков с коварным прищуром посмотрел на окно кабинета Копейкина. – Зараза. А теперь ее к нам сунули. Как бы насовсем не осталась. Прежний смотрящий нормальный мужик был, из оперов, всегда навстречу шел. А от этой чего ждать?

– Мужик-то есть у нее? Обычно, если мужичка нет, бесятся.

– Был... Так она его посадила, прикинь?

– Как это?

– Полный угар! Он, короче, от нее сбежал – кто с такой дурой уживется? А она в отместку накопала на него – и в СИЗО.

- Что-то серьезное?
- Не очень. По экономической линии. Могла бы до суда и на подписке оставить.
- Видать, любовь сильной была.
- Бедный мужик, до сих пор лес валит, – Леша еще раз оглянулся на окно и зашептал: – У тебя там ничего в столе нету? По-моему, она по твою душу.
- Точно? – насторожился Копейкин.
- Сейчас с Витькой беседовала, про тебя между делом вынюхивала. С кем живет, на какой тачке ездит?
- С чего это вдруг?
- Кто ж знает, что у этой чокнутой на уме? Или стукнул кто. Просто так они не приезжают. Знаешь, какая у нее кликуха? Графиня. Не в смысле, что манерная. От слова «полиграф».

На крыльце появился дежурный офицер – добродушный толстяк со страшной фамилией Бармалеев и вечно расстегнутой на животе рубашкой. Чтобы ее застегнуть, пришлось бы пуговицу не пришивать, а приваривать. Речь его отличалась лаконичностью: открывание рта – это работа. И не важно, сколько раз ты откроешь рот, – важно, что денег за это больше не заплатят. А тогда зачем напрягаться – лучше уж силу побережь для чего-нибудь более прибыльного.

- Кирилл! Зовут! Она!
- Держись, старик. Мысленно я с тобой, – поддержал напарника Батраков, – иди и умри достойно. Главное – не выпендривайся. Не любит она этого.
- Твою мать, – Копейкин захлопнул капот, швырнул ветошь в салон и отправился навстречу неизвестному, которое он заведомо рисовал в черных красках. Вместе с его носительницей. Принесла нелегкая.

Разумеется, Ольга посмотрела, что хранится в чужом столе. Но ничего, представляющего оперативный интерес, не обнаружила. Стандартный набор сыщика: колода старых карт, нарды в пластмассовой коробочке, древний тетрис, штопор, фонарик, гильзы от пистолетных патронов, старый мужской журнал, брошюра «Десять способов заставить человека говорить правду», канцелярские принадлежности, зарядное устройство для мобильного и много-много мусора типа фантиков от жвачки и винных пробок. Пересняла на телефон настольный перекидной календарь. Последние листочки. Проверила мусорное ведро. Отрезанных пальцев не нашла. Сфоткала сам кабинет. Если придется устанавливать жучка, желательно знать интерьер. А уж Чистов придумает, куда спрятать.

Как почти всегда в подобных ситуациях, включилась ассоциативная память. Однажды они разрабатывали начальника райотдела – довольно высокую фигуру в полицейской иерархии. Тот чувствовал, что его пасут, и проявлял крайнюю осторожность – в кабинете никого не оставлял, дверь и пластиковые окна опечатывал. Если приходили сантехники или электрики, стоял рядом и наблюдал за их работой. Короче, матерый был оборотень. Адело происходило накануне 10 ноября – всенародного праздника, в честь которого по телевизору показывают концерт. И вот на этот самый праздник подчиненные вручают начальнику презент. Чучело глухаря – символ уголовного розыска. Оборотень прослезился, поблагодарил и повесил чучело в кабинете, прямо над головой. Глухарь его и сгубил. Видеоглазок притаился в голове мертвой птички, как яд в ветвях анчара.

Кабинет Копейкина не являлся образцом дизайнерской мысли, если только не служил стилизацией под ностальгические ныне девяностые. Кроме стола, сейф на потертой тумбочке, провалившийся диван, отметивший недавно полувековой юбилей, столик с грязной электроплиткой, на стене календарь, о котором говорил Самохин, – лысый буддийский монах, сидящий на фоне монастыря. Старое радио, перевязанное синей изолентой, желтые занавески в подозрительных бурых пятнах. Рогатая вешалка-стойка. В углу водопроводная труба, тянущая

яся сверху вниз, перемотанная в центре жуткой мокрой тряпкой цвета ржавчины. Под ней капкан для крыс с какой-то мерзкой приманкой. На оконном стекле трещина, залепленная скотчем. И это рабочий кабинет сотрудника, прошедшего переаттестацию? Только дыбы не хватает. Лишь потолок выбивался из общей картины. Подвесной, из гипсокартонных плит.

Хорошо бы покопаться в компьютере, но он наверняка запорол. Да и опасно.

Когда она убираала телефон в сумочку, висевшую на стуле, в кабинет, не постучавшись, зашел Копейкин. Она узнала его по фотографии из личного дела. Правда, на фото он был в капитанском кителе, а сейчас в грязной футболке с надписью «PERSONAL SEX TRAINER. L'Avla Gratis»², шортах и кроссовках. Не сказать что красавец, но что-то притягательное в нем было. Чем-то он напоминал ее любимого актера Тома Харди. Такая же мрачная физиономия, но при определенном ракурсе вполне фотогеничная. Если бы Копейкин играл в кино, ему доставались бы роли обаятельных злодеев.

Вообще-то, за пять лет, проведенных до ОСБ в следственном отделе, Ольга научилась абстрагироваться и смотреть на мужчин исключительно как на субъектов уголовно-правовых отношений. Иначе это не работа. Иногда такие красавцы попадались – Том Круз с Джонни Деппом и близко не стояли. И намеки эти красавцы делали совсем не деловые.

Он поздоровался и сел на гостевой стул, закинув ногу на ногу. В кабинете запахло солидолом или какой-то другой автомобильной смазкой.

– Слушаю.

Ольга сухо представилась, взяла из пачки материалов, лежавших на столе, верхний и повернула его к хозяину кабинета.

– Кирилл Павлович, это ваш протокол изъятия?

Копейкин прищурил глаза, словно страдал близорукостью. Взял двумя пальцами материал. Под ногтями грязь. Фу!

– Ну мой... Не Пушкина же.

– И этот? – Ольга показала еще один лист.

– Конечно. А что? С ошибками?

– Нет. Просто написаны слово в слово. По разным эпизодам.

– Так, а зачем париться? Я сделал бланки, распечатаваю. Удобно.

– Да, я заметила. Даже понятые одни и те же. И тоже сразу впечатанные. Хоть бы не так нагло. Или они с вами постоянно ходят? Или по карманам сидят?

– Ольга Андреевна, это же чистая формальность, – улыбнулся Копейкин, сверкнув зубом белого металла, вставленным в верхнюю челюсть, – а понятых давно пора отменить. Анахронизм. Пережиток прошлого. Все от недоверия органам. А нам можно и нужно доверять.

– Какая формальность?! Вы в своем уме? Это наркотики, на минуточку.

– Да там доза – тьфу! Даже не возбудиться. В смысле – дела не возбудить.

– Но вы же не знаете, сколько у человека наркотиков? Если, конечно, не сами подложили их в карман.

– Ах, вот вы о чем...

– Да, об этом.

Она старалась смотреть в глаза собеседнику, чтобы вывести его на чистую воду. Глаза были зеленовато-голубыми. Редкий цвет.

– Все задержания словно под копирку. И все в парке Победы. Ладно бы в ночном клубе. И именно во время рейдов. И как, интересно, вам удастся из десятков гуляющих задерживать тех, кого надо? И всех с нужной дозой марихуаны.

– Так... Нюх, как у собаки, а глаз, как... А почему вы на меня так смотрите? Понравился? – Вопрос был задан с показательным сочувствием.

² Personal Sex Trainer. L'Avla Gratis (португ.) – Персональный секс-тренер. Первый урок бесплатно.

Ольга отвела взгляд. Наверно, она действительно смотрела на Копейкина чуть более внимательно, чем рекомендуют нормативные акты.

– Вид у вас странный. Для представителя власти.

– Ну, вообще-то, контроль за формой одежды не входит в ваши обязанности, – Копейкин почему-то целенаправленно шел на конфликт, – но для вас, так и быть, сделаю исключение. Это я сшил сам... Надпись на португальском. Означает: «Передам опыт молодым». Я на курсы португальского ходил, хотел съездить на чемпионат Европы по футболу, но не судьба, в отделе кадров отобрали паспорт... Неплохо вышло, да?

– Послушай, клоун. Ты перед курсантками упражняйся, ясно?

Она ненавидела, когда люди не шутят, а кривляются. Да еще фамильярничают. Поэтому и перешла на «ты». Если вовремя не поставишь на место – будет воспринимать тебя не как профессионала, а как дурочку. Да еще навязывать извечное мужское превосходство. Не выйдет. Будем играть по моим правилам. И еще посмотрим – кто кого. Атмосфера враждебности, которая изначально витала в воздухе, теперь сгустилась до консистенции густого тумана. Ну и пусть.

– Отвечать быстро и по существу. Пятого числа в три дня ты был в парке. С какой целью?

– Пятого, пятого. – Опер посмотрел в потолок, прищулив левый глаз, словно прицеливаясь.

Неплохой ракурс... Черт! Абстрагируйся!

– Да! Вспомнил! Ольга Андреевна, только послушайте спокойно, без паники. Нас у отца три сына. Ну и пришло время жениться. Дал нам батя по луку со стрелами и говорит – чья стрела в какое место попадет, туда и идите невесту искать. Вот я сдуру в парк и пальнул... Там лягушка. Такая зеленая...

– Мне эти рапорта в прокуратуру отправить? – Ольга вдруг заметила, что ее пальцы отбивают по столу легкую нервную дробь.

– А зачем нам прокуратура? – Копейкин не сменил игриво-нагловатый тон. – Хорошо-хорошо. Я встречался в парке с человеком.

– Что за человек?

– Но, – он нагнулся поближе, и Ольга различила не только запах смазки, но и легкий алкогольный выхлоп, – это государственная тайна... Вы понимаете... Агентура, все такое. Мы всегда встречаемся в парке. Конспирация – основа оперативно-розыскной деятельности.

– И опять случайно задержал наркомана.

– Я ж говорю – чутье, – он повел носом, словно волк, ищущий запах зайчатинки, – знаете, какие у вас духи?

– Знаю... Как происходит изъятие?

– Вам показать? – Копейкин встал со стула. – Там ничего сложного. Смотрите.

– Сядь на место!

– Как скажете, – он опустил обратно на стул, – ну обыкновенно происходит. Подхожу, здороваюсь, интересуюсь делами. Потом прошу человека, чтобы он сам, заметьте, сам показал, что у него в карманах... Поэтому зря вы меня подозреваете. Какой мне резон? Если подкидывать, так килограмм, чтоб надолго хватило.

– Ты прекрасно знаешь, какой резон. Попасть в сводку, показать, как активно мы боремся с наркомафией. И что происходит дальше?

– Ольга Андреевна, а вы замужем?

Она не выдержала и отвела взгляд.

Наглец! Смещает, гад, точку сборки – Кастанеды начитался? Выбивает из заданной ею же колеи. Не на ту напал. Не повезло тебе, дружок.

– Не поняла...

– Просто я представил, как вы мужа допрашиваете... Где был, что делал? Смотреть в глаза, отвечать быстро и по существу... Бедняга.

– Я не замужем, – процедила сквозь зубы Ольга, снова нацелив взгляд на опера. Злость накатила с новой силой – его бы в зал сейчас, и посмотрели бы, кто кого. Такие развязные болтуны обычно слабаки.

– Так что ж время теряете на нас, убогих? – Тот опять сверкнул фиксой и развел руки. – Познакомьтесь с кем-нибудь, влюбитесь, свадьбку сыграйте, ребеночка родите... Барышня вы симпатичная... А мы уж тут сами разберемся. И со сводками, и с наркоманами. Время пролетит, и не заметите.

У Ольги перехватило дыхание. Ах, он... Наверно, узнал откуда-то про историю с ее не рождённым ребенком и теперь подкалывает. Ну, скотина... Сволочь! Так же последние циники не поступают!

– Ты... Ты... Выйдите отсюда. – Она едва сдержала себя, чтобы не отвесить этому улыбающемуся наглецу пощечину. Ненависть сгустилась до такой степени, что в любой момент могла материализоваться в нечто осязаемое и взрывоопасное.

– Вообще-то, это мой кабинет, – спокойно ответил наглец.

Раздался лязг упавшего ножа гильотины. После глухой удар и звук покотившейся головы. Копейкин спокойно снял с пояса мобильник и посмотрел на экран. Эсэмэска. Милый рингтон. Прочитал сообщение вслух.

– Прекрасные новости! Кредит наличными всего под двенадцать процентов годовых! Вы еще можете успеть. Скорей бегите, Ольга Андреевна!

– Ладно... – Она встала, сорвала со спинки стула сумочку-портфель. – Я тебе устрою!

Дверью она шарнула с такой силой, что стены вздрогнули, труба пошатнулась, тряпка слетела и вода вырвалась на свободу. Но Ольга этого уже не видела. По пути она заметила дверь с буквами «М/Ж». Надо успокоиться, загасить эмоции. Вошла, отдышалась. Встала под табличку «Не курить», висевшую рядом с окном. Лучше бы разрешили курить, запах хлорки и нечистот резал глаза так, что она заплакала.

И все-таки не придумали лучшего успокоительного, чем никотин, что бы там ни говорили борцы за чистый воздух и здоровье населения. Ольга не курила, но по старой следовательской привычке таскала в сумке пачку сигарет и зажигалку. Подследственные, как правило, канючили.

Голову слегка повело, уже первая затяжка слегка размыла-смягчила действительность. И словно иллюстрируя рекламу сигарет, нервы понемногу приходили в норму. Господи, ну почему она психанула? Подумаешь, подколот очередной урод. Да как ее только не подкалывали и не обзывали! И сукой ментовской, и гестаповкой, и всякими другими устойчивыми оборотами. Нащупал больную кнопку? И нажал. Но она же не девушка-инженю. У нее такая броня, никакой метафорой не пробить.

Почему же сорвалась? Она ненавидела себя за минутную слабость, за то, что не смогла поставить паршивца на место. Спокойно и хладнокровно. Вместо этого поддалась эмоциям. Может, потому, что подобный тип мужчин терпеть не могла. Самоуверенных и беспардонных. Еще со школы. В восьмом классе ей нравился один парнишка, к несчастью отличник, с которым она сидела за одной партой. Нравился до тех пор, пока прилюдно не обозвал ее дебилкой за то, что не смогла сказать у доски, чему равно число пи до шестого порядка.

Интересно, Копейкин назвал ее симпатичной ради красного словца? Или?..

Ольга достала из сумки зеркальце. Белки красные, наверно от хлорки. Попробовала посмотреть на себя глазами этого кривляки. Понять, где просчиталась, дав повод скатиться на личности. Кого он мог увидеть? Если абстрагироваться от содержания, а взять только форму. В смысле – формы. Насчет фигуры она не волновалась. Практически ежедневные тренировки – ничего лишнего, в смысле жира. Одежда – брючная пара, белая блузка под горло, так назы-

ваемый унисекс, не подчеркивала достоинств, а скорее нивелировала их. Она специально так одевалась, чтобы не вызывать у подопечных или сослуживцев ненужных эротических фантазий. Поэтому обычно и не красилась на работе. Так, легкий мазок блеска для губ. Иногда – взмах кисточкой для ресниц. В особых случаях. Сейчас случай был не особый. Вот и хорошо – по крайней мере, тушь по щекам не потекла. Она подошла поближе к окну.

Толстяк дежурный отдавал лаконичные команды водителю, заботливо протиравшему тряпочкой борт «УАЗа».

- Давай в аварийку. У Копейкина опять течет.
- Откуда? С конца? Гы-гы-гы... А чего, не позвонить?
- Занято. Утонем.

Ольга загасила недокуренную сигарету. Ничего... Еще посмотрим, кто будет смеяться последним. Кто кому покажет средний палец. Она поставит на место этого ухаля. Не таких обламывали. Ее эмоции – всего лишь минутная слабость.

Царь Борис затачивал деревянную палку подарочным перочинным ножом, сидя на скамеечке под окном собственного кабинета. Кол получался не очень острым, шефу явно не хватало навыков. Или ножу остроты.

- Борис Дмитриевич, это для кого?

Он обернулся, за спиной стояла Ольга. Вопрос был задан с легкой иронией, с которой врачи-психиатры обычно интересуются у буйных пациентов самочувствием. «Ну-с, голубчик, как мы себя самочувствуем?»

Царев поднял кол, приложил к глазу, словно снайперскую винтовку, проверяя прямоту изделия. При этом состроил такую гримасу, с которой Григорий Лепс поет трагические песни. Губы в виде перевернутой вниз подковы.

- Против оборотня только осина и помогает.
- А-а-а...

Ольга улыбнулась, вспомнив старый анекдот. «Если проткнуть оборотня осиновым колом, он умрет. Можно подумать, если проткнуть колом обыкновенного человека, он останется жить».

– Да дерево хочу подпереть! Никому ведь дела нет. Все сам. – Шеф с обидой кивнул на тощую березку, росшую прямо во дворе. Березка действительно загибалась и без терапии рисковала превратиться в обычную палку, воткнутую в землю. – Ну что там по Копейкину?

Ольга присела рядом. Царев не допускал панибратства, но и не относился к руководителям, заставлявшим подчиненных шелкать каблуками и соблюдать казарменную дисциплину. Даже если подчиненная – женщина.

- Надо его работать.
- Да? Уверена?
- Наш клиент.
- Что-то конкретное?
- Интуиция.

Царев попробовал пальцем остроту кола, поднялся и подошел к березоньке.

– Про интуицию судье и руководству не объяснить. Желательно что-нибудь материальное.

- Будет материальное. Я напишу справку и подготовлю постановление.
- Ну смотри. Правила игры знаешь, не тебе объяснять. Либо он садится или увольняется, либо необоснованная разработка со всеми вытекающими. А тебе это сейчас совсем нехвати.

Царев не пугал. За необоснованную разработку сотрудника можно получить по шапке от вышестоящих командиров. Хотя и не сильно. В самом тяжком случае – выговор или лишение премии.

– Почему некстати?

Царев поднял саперную лопатку и принялся долбить твердую, как асфальт, землю.

– У нас вакансии в отделении гласных проверок, ты знаешь... Я выдвинул твою кандидатуру.

Юрьевский отдел собственной безопасности подчинялся не только генералу Моржову, но и областному Управлению. Там и принимали решения о крупных кадровых перестановках.

– Но... Вы даже не спросили, согласна ли я?

– А зачем? – простодушно пояснил Борис Дмитриевич, – Начнутся терзания, сомнения. И потом, сама ж говорила, что надо расти... Вот и расти. Должность серьезная, ответственная. Лучшей кандидатуры нам не сыскать.

В отделении гласных проверок трудился исключительно женский коллектив. И ставить начальником мужика действительно не очень разумно. Будет сильно отвлекаться, особенно если не женатый.

– Ты, надеюсь, не против?

– В принципе нет...

Ольга не лукавила, работа в отделении гласных проверок не такая нервная, как у куратора.

Опять-таки, начальник отделения – одновременно второй заместитель Царева, а значит, возможен карьерный рост, потолок звания повыше. Рабочий день относительно нормирован, не то что сейчас. И никаких разработок, от которых сплошная головная боль. Правда, не известно еще, что лучше – спокойная рутина или периодическая нервотрепка.

– Вот и отлично... Но если будут взыскания, тебя не утвердят. Поэтому подумай, прикинь хорошенько. Уверена, что Копейкина посадишь?

– Уверена. Посажу.

Голос дрогнул, но не до такой степени, чтоб это заметил шеф.

– Хорошо, готовь бумаги. Бойкова в помощь возьми. Не помешает. Если убийство того – азербайджанца, его рук дело, то он очень опасный человек.

Глава вторая

– Я даже не почувствовала ничего. Он просто ко мне прижался. А когда вышла, все и посыпалось.

Блондинка показала днище сумочки, на котором зияла рваная рана.

– У дверей стояли? – буднично уточнил Копейкин.

– Да...

– И на первой же остановке он вышел.

– Точно! Вы его знаете?

– Сколько было денег? – спросил опер, не ответив на вопрос.

– Шестнадцать тысяч с мелочью... Вся зарплата за месяц. И документы. Паспорт, права... Сволочи...

Потерпевшая разревелась, размазывая тушь по щекам. Копейкин не успокаивал, водички не предлагал. Сама виновата. Нечего варежкой хлопать. Когда сопли у блондинки кончились, трезво и жестко объяснил позицию:

– Значит, так. Деньги не вернем, говорю сразу. Пишите заявление, не пишите. Считайте, что потеряли. Документы восстановить помогу. Устроит?

Ответить девушка не успела – в кабинете появился еще один персонаж. Небритый мужичок лет пятидесяти, в форме сантехника и с ящиком инструментов. Пивной выхлоп намекал, что он не из серьезных деловых кругов.

– Привет честной компании... Дежурный прислал. Трубу чинить. Где она?

– Да... Вон. – Копейкин авторучкой указал на перевязанную тряпкой водную артерию, затем переспросил у девушки: – Ну что, устроит?

– Да, конечно... Только вы сами в паспортном скажите, а то они оштрафуют.

– Хорошо, пойдемте.

Едва опер с потерпевшей покинули кабинет, сантехник быстро раскрыл ящик, вынул инструмент, затем извлек старое радио, перемотанное синей изолентой. Поменял местами с тем, что висело на стене. Сравнил, немного поправил изоленту. Конечно, если присматриваться, разницу заметить можно, но наукой доказано, что никто специально не присматривается к вещам, давно находящимся в помещении.

Старое радио сунул в пакет и спрятал на дне ящика, сверху прикрыв инструментами. После разматал тряпку, висевшую на трубе. Труба протекала в месте муфты. Сама муфта проржавела так, что ее оставалось только спилить. А потом вваривать новый кусок трубы. Да, чем только не приходится заниматься техническому отделению, а конкретнее – Антону Ивановичу Чистову. Человеку и жучку.

Минут через пять вернулся Копейкин. Уже без девушки. Видимо, решил вопрос.

– Ну что, хозяин... Без сварки не обойтись... Будем делать или как?

– Будем. Не люблю сырости.

– Хорошо, я сейчас за газом съезжу, никуда не отлучайтесь или дверь не запирайте. Баллоны под окна поставим, шланги через окно кинем.

– Сколько это по времени?

– По времени полчаса, а по деньгам тысяча.

Чистов не халтурил, а вошел в образ. Какой же сантехник не заговорит об оплате? Все должно быть достоверно.

– Это к шефу...

– Договорились.

На улице Антон Иванович погрузил ящик с инструментами в старенький «Москвич-каблук», забрался в салон и вырулил с полицейского двора. Богатого парка конспиративных

машин у отделения собственной безопасности не имелось, приходилось договариваться со знакомыми о прокате. Конечно, это рискованно, матерый оборотень мог «пробить» машину, но для матерых и подход был особым. Сегодня не тот случай. Вряд ли кто будет проверять – есть у жилконторы «Москвич» или нет? Главное, качественно починить трубу. Но с настоящим сантехником договариваться пришлось. За натуральный обмен – бутылку огненной воды. Тот был только рад откосить от работы, которая не принесет никакого черного нала, – ментовка не частная квартира.

Оставалось надеяться, что сантехник не станет трепаться и поверит на слово, что его, коснись чего, посадят за измену родине на десять лет. С ФСБ не шутят. А именно такие корочки были показаны пролетарию.

Вот как много всякой ерунды приходится учитывать, чтобы поставить в кабинет обычный видеоглазок.

Чистов всегда подходил к делу творчески, обстоятельно и старался не повторяться. За что его и ценили. Как-то ставил глазок в кабинет к очень осторожному взяточнику. Под видом электрика. А спустя пару дней сослуживец взяточника предложил проверить кабинет на предмет наличия шпионской техники. Мол, есть знакомый техник – найдет в момент. Взяточник, конечно, согласился. Пришел специалист, осмотрел кабинет и действительно отыскал свежеставленного жучка. Взяточник обрадовался, потерял осторожность и стал болтать в кабинете, не стесняясь. А зря. Ибо остался второй жучок. Настоящий. Техник был грамотный. Просто он тоже работал в ОСБ. А сослуживец состоял там на связи. Как ни крути, а методы оперативной работы примерно одинаковы во всех специальных службах.

Отъехав от отдела на безопасное расстояние, Чистов притормозил. Из арки дома вышла «потерпевшая» и села в машину. Она уже стала брюнеткой, парик переместился в пакет.

– Удалось?

– Почти. Трубу варить надо. Сейчас за баллонами.

– А вы умеете?

– А как иначе? Могу подкинуть до остановки. Слушай, Свет... Все хочу спросить. А как тебе удастся плакать? Нет, серьезно. Вот я представил – мне надо разреветься. Для дела. Все вокруг со смеху лягут. А ты ж реवेशь так убедительно! Или в глаза что-то капашь?

– Ничего сложного. Несколько занятий в студии актерского мастерства. В кино и на сцене актрисы тоже режут по команде режиссера. Безо всякого лука и капель.

– Удобный навык.

– Не всегда. Иногда актеры плачут по-настоящему. Но им никто не верит. Даже они сами.

Пункт наблюдения, или «точка», как его называли в народе, располагался в микроавтобусе марки «Газель», припаркованном вне зоны прямой видимости из отдела полиции, но в радиусе действия сигнала из радио. Автобус в отделе собственной безопасности был единственным, поэтому каждый раз приходилось его гримировать, чтобы не примелькался среди оборотней и не подвергался бы противоправному воздействию. Гранату вряд ли бы кинули, но разбить стекла – дело чести. Иногда маскировали под ритуальные услуги, иногда под передвижную санитарную лабораторию. Можно хоть под публичный дом на колесах. Главное – найти повод занавесить окна.

Сегодня на борту «Газели» красовалась надпись «Анонимное выведение из запоев».

Внутри стояла пара мониторов, на одном из которых отображался кабинет Копейкина. Довольно удачный ракурс – радио висело высоко, глазок почти целиком охватывал помещение. Звук был тоже довольно качественным, при желании можно разобрать даже шепот. Заряда аккумулятора хватит на полгода. Плохо, если Копейкин включит радио, микрофон будет, прежде всего, ловить новости, концерты по заявкам и прогнозы погоды, одним словом – трансляции.

В связи с нехваткой технического персонала дежурить в автобусе приходилось непосредственно инициаторам разработки. Это отнимало много времени, операм приходилось договариваться о дежурствах. Мероприятие было не бесконечным, максимум две недели. Потому что помимо Копейкина в городе есть и другие фигуранты, и их тоже надо охватить вниманием.

Сегодня «из запоев» выводила Ольга, надев на голову здоровенные наушники, делавшие ее похожей на ведущую радио. «В студии для вас работает диджей Горина. Начинаем нашу вечеринку».

Радио в кабинете, слава богу, не вещало. Было бы обидно прослушать шедший в кабинете разговор. Аппаратура не фильтровала мат, но Ольга не комплексовала по этому поводу. Тем более что собеседники пока обходились без него.

Копейкин сидел за своим столом, напротив довольно вальяжно расположился господин средних лет, с признаками раннего облысения. Его гардероб отличался дороговизной и отсутствием вкуса. А речь – показательной наигранностью.

– Кирилл Павлович, мне, конечно, интересно с вами общаться, но скажите прямо, какие проблемы?

– Ты хотел поговорить с Рамиром? Зачем? – без деланных эмоций задал очередной вопрос Копейкин.

– Рамир? А кто это?

– Дауншифтер. Которого взорвали. Вместе с братом.

– А-а-а, – натужно улыбнулся господин, – цыган. Да. Мне сказали, он поцарапал мою машину и смылся. Машина не застрахована, а тридцатник на дороге не валяется. Да и обидно просто.

– И ты решил поцарапать его... Константин, а ты не боишься?

– Кого? Цыган?

– Цыгане бывают разные. Вот завалят тебя, что прикажешь делать? Я ж в бумагах утону. Дело на контроль поставят, проверками задолбают. Ты ж фигура резонансная. Одна кличка чего стоит. Сам выбирал?

– С цыганами разберусь, – тоном палача, которому урезали зарплату, заверил посетитель, – Рамира я не заказывал.

– Ты еще скажи, наркотой не торгуешь... А разобраться можно двумя способами: либо всех перебить, не приведи господи, либо сказать батьке Василию, кто убил его сыновей. И не просто сказать, а с аргументами. Просто поклясться мамой не проканает.

– Я повторяю, это мои проблемы. Если вопросов больше нет, я пойду. Дела.

– Это не проблемы, Костя. Это большие проблемы. Я тебя не держу, только запишу объяснение. Это формальность, но что делать.

Когда господин ушел, Ольга остановила запись. Она поняла, о чем шла речь. Все местные СМИ сообщили о подрыве цыганского джипа мотоциклистом. И некоторые федеральные. Этим делом, значит, Копейкин занимается. Не очень, кстати, активно. А вызванный – не кто иной, как Бирюков, он же Буйвол. И если Буйвол основной подозреваемый, то данная беседа – полная профанация. Таких деятелей прихватывают резко, имея козыри, а не вызывают в отдел, чтобы узнать точку зрения. Даже если это хороший знакомый.

Копейкин напечатал какой-то документ, перекинул его на флешку, видимо, чтобы распечатать. Принтера в кабинете не было.

Она снова поймала себя на печальной мысли, что наблюдала не столько за беседой, сколько за самим опером. За его мимикой, жестами. Только почему печальной?

Может, она поспешила с разработкой? Неужели скатилась до банального сведения личных счетов? Ненависть, злость, сильные эмоции – это так непрофессионально. Да, он ее оскорбил, она, находясь на взводе, решила отомстить. Зачем она ввязалась в эту игру? Что за детский сад? Мальчик обозвал девочку. Насчет реализации, обещанной Цареву, она очень сомнева-

лась. Ничего реального на Копейкина пока не было. Заявление Самохина – это только слова. Хорошо, если прослушка что-то даст или в архивных «отказных» она что-нибудь накопает. Завтра, кстати, надо там посидеть.

Тимур звонил несколько раз, она не брала трубку. Скинул эсэмэску, что хочет забрать свои вещи. Ольга не сомневалась: вещи оставлены специально. Он приедет, начнет выяснять отношения... Не исключено, она даст слабину – Тимур умеет уговаривать.

Но встретиться все же придется. Он же не случайный знакомый. И вещи опять же. Не на лестницу же выставлять. Не по-людски как-то. Возможно, Светка Родионова права. Посоветовала для начала его просто выслушать. Если признается, упадет в ноги, попросит прощения, можно тоже признаться и расстаться хорошими друзьями. Если начнет юлить и строить версии – выставить за дверь.

И еще пару дней назад она бы так и сделала... А сейчас не хотела ставить никаких экспериментов.

Потому что появился Копейкин, словно лакмусовая бумажка проявив все ее негативное отношение к сильному полу. Проявив и усилив. Возвращать Тимура ей теперь совсем не хотелось. К чему? Все равно примирение – это отсрочка финиша отношений, который неизбежен. Но при чем здесь этот наглец Копейкин?!

Глупость какая! Мало ли таких Копейкиных? Он обычный мелкий вымогатель, ничего из себя не представляющий. Да еще и наглый, как Жириновский на дебатах. Но это же не значит, что все мужики такие.

В отделе кадров она смотрела его личное дело. И поймала себя на мысли, что сразу перескочила на семейное положение. В разводе, есть сын. В разводе... Значит, и у него в личной жизни не все гладко. А туда же – в советчики лезет.

В остальном же биография без экзотики. Местный, родители не дворянского происхождения. Школа, автотранспортный техникум, армия, курсы МВД, пять лет работы на территории опером в Северном отделе, перевод сюда. Из взысканий – пара выговоров за нечуткое обращение с гражданами и строгач за волокиту. Тоже стандарт – нет опера, на которого бы не жаловались и кто бы не волокитил материалы. Иногда в силу объективных причин. Несколько премиальных поощрений. Живет в однокомнатной квартире, оставшейся от покойной бабки. Как, кстати, и сама Ольга. Ей тоже жилье досталось по наследству. Медалей и орденов не имеет, выплачивает алименты.

Ну и что в нем особенного?!

Если, конечно, не вспоминать ту историю с убитым азербайджанцем.

Цыганский поселок действительно напоминал Рублевку. Правда, только особняками и заборами. Улицы и прилегающие ко дворам территории походили на объект легкой бомбардировки. Плюс кучи мусора, словно после туристического пикника в лесу. Это и понятно. Мало кого волнует обстановка за забором. Внутри другое дело. Чистота, порядок, созданный отнюдь не цыганскими руками. Цыганские руки не созданы для труда. Вкалывать должны другие. И этих других хватает. Иногда в рамках трудового договора – за бутылку пойла, иногда безо всяких договоров. На рабских началах. За еду и ночлег в подвале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.